

К НАУКЕ УПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ ТРЕНДАМИ

1. В этом тексте мы проведем предварительное обсуждение проблемы, решение которой можно считать одной из отдаленных, идеальных целей антропологии как теоретической, так и практической. Мы говорим о *проблеме управления антропологическими трендами*. Подобную тематику раньше привычно было встречать в области научной фантастики – ведь речь здесь идет о том, чтобы человек обрел средства и способности управлять изменениями, происходящими с ним; и в принципе и пределе, это означает, что человек обретает и способность осуществлять изменения и превращения себя по собственному выбору и желанию. Мы, разумеется, не собираемся обсуждать эти фантастические горизонты проблемы, однако необходимость дать ей научную постановку и концептуальную основу вполне назрела.

В первую очередь, мы должны уточнить, что такое «антропологический тренд», чтобы для нашего понимания он приобрел характер концепта. Очевидно, что мы говорим об антропологическом тренде, когда налицо определенный антропологический феномен (вид антропологических проявлений, антропологическая практика или группа практик и т.п.), который со временем приобретает все большую распространенность в обществе, становится все более заметным, типичным, массовым. Иными словами, это такой *антропологический феномен, который набирает социальную значимость*, становится существенным фактором в социальной реальности. Образцовым примером могут служить современные практики, направляющиеся к сращиванию человека с компьютерными системами и созданию их гибрида, Киборга: неуклонное расширение и углубление этих практик, рост их популярности в массовом сознании, бесспорно, позволяют охарактеризовать их развитие как набирающий силу антропологический тренд, один из трендов, ведущих к Пост-человеку.

Отсюда мы видим, что антропологический тренд как концепт характеризуется специфической двуплановостью, двоякой природой: он относится одновременно к уровням антропологической и социальной реальности, выражая собою связь этих уровней. Родственными понятиями, наделенными такой же двуплановостью, являются, например, «антропологическая ситуация» (т.е. антропологическая реальность, взятая в призма, в контексте социальной реальности) или «доминирующая антропологическая формация» (т.е. тип антропологической структуры, доминирующий в социуме). Связь антропологического и социального уровней – один из ключевых факторов, определяющих динамику развития культурно-цивилизационного организма, и потому весь комплекс понятий, описывающих эти связи, должен быть внимательно изучен. Наш главный предмет сейчас – антропологические тренды; но все понятия комплекса тесно переплетены (к примеру, антропологическая ситуация формируется совокупностью ведущих антропологических трендов), и большинство других нам тоже понадобится.

Обсуждение проблемы необходимо начать с обозрения ее истории. Основная цель наша – оценить ее сегодняшнее состояние, проанализировать способы и перспективы ее решения в современности и для современности. Однако для верной ориентации в проблеме необходимо восстановить ее исторический контекст. Каким был ее генезис, как и когда она возникла впервые? Какие примеры ее постановки и решения можно найти в истории?

Заметим, прежде всего, что проблема управления антропологическими трендами может ставиться лишь при наличии некоторых предпосылок. Первая из них – это определенный уровень антропологической рефлексии: хотя сами по себе

антропологические тренды существуют в любую эпоху и в любом обществе, но отнюдь не всегда существуют и оформившиеся представления о таких трендах, о принципиальной возможности управления ими и о важности подобной задачи управления. Поскольку же проблема имеет двойственный, антропо-социальный характер, то требуются также и социальные предпосылки. Управление антропологическими трендами, антропологической ситуацией может априори осуществляться либо органически, силами самого социума, либо инстанциями власти, позиционирующими себя как внешние силы. И будь то общество или власть, они будут ставить перед собой нашу проблему лишь при наличии определенных условий и свойств (скажем, власть, чтобы стремиться контролировать антропологические тренды, должна иметь достаточно авторитарные установки). Сейчас мы не будем обсуждать эти условия и свойства, но лишь констатируем, что в европейской истории (которой мы ограничимся) вся совокупность предпосылок оказывалась выполненной редко, и предыстория проблемы далеко не богата.

Первые подступы к постановке и решению проблемы мы обнаруживаем в античных практиках себя. Априори любая практика себя может достичь такой развитости и распространенности, что ее культивирование станет антропологическим трендом, но апостериори отнюдь не любая этого достигает. Генезис практик себя в европейской культуре был тщательно реконструирован Фуко в его «Герменевтике субъекта», и мы можем отсюда заключить, что в эпоху поздней античности, в 1-2 вв. н.э., которые Фуко называет «Золотым веком практик себя», ведущие практики себя – в первую очередь, стоические – определенно уже имели характер и природу антропологического тренда. Тренд воспроизводился и расширялся, существовали сообщество адептов стоических практик, институт учителей этих практик, и неизбежно возникали отношения с другими антропологическими трендами, в числе которых были и конкурирующие тренды аналогичного характера (скажем, отвечающие эпикурейским или киническим практикам себя). Через феномены взаимоотношений трендов (и отвечающих им сообществ), их конкуренции и шел путь к проблематике воздействия на антропологические тренды, управления ими – усиления или подавления, модификации и т.п. Решая практические задачи своего воспроизводства, усиления, своих отношений с конкурирующими трендами, данный тренд в сообществе своих участников вырабатывал определенные приемы, ноу-хау, относящиеся к воздействию на антропологические тренды. Однако здесь были, разумеется, лишь зачатки, подступы к задачам целенаправленной работы с антропотрендами, но никак не общая постановка антропологической проблемы.

Сходная ситуация в отношении к проблеме обнаруживается и в следующую эпоху, в христианской культуре средневекового или византийского типа, когда доминирующая антропологическая формация конституируется христианской духовной практикой. Будем говорить для определенности о восточнохристианской культуре. В данном случае налицо выделенная практика себя – духовная практика исихазма, которая через посредство разнообразных примыкающих и поддерживающих практик утверждается в качестве конститутивной антропологической практики. Поскольку данная практика определяет собою доминирующую в социуме антропологическую формацию, культивирование ее, купно с ансамблем примыкающих и поддерживающих практик, составляет антропологический тренд, который утверждается в качестве доминирующего тренда. Этот тренд должен воспроизводить, поддерживать свое доминирующее положение во всем комплексе наличных антропологических трендов, и за счет этого здесь опять-таки возникает проблематика воздействия на антропотренды. Взаимоотношения внутри комплекса антропотрендов носят теперь совершенно иной характер, и соответственно здесь вырабатываются иные способы и средства воздействия. Духовная практика интегрирована в религиозную традицию, в рамках которой антропологические тренды рассматриваются и оцениваются не как собственно антропологические, но в своих специфически религиозных аспектах и импликациях. Поэтому здесь создаются способы

контроля трендов и способы их усиления или подавления, применение которых целиком определяется религиозным содержанием трендов, их отношением к конститутивной практике и традиции. При этом, религиозная традиция может быть связана с инстанциями власти, и способы воздействия на тренды могут, вообще говоря, использовать механизмы власти и средства насилия (в отличие от тех способов, что развивались в рамках трендов, отвечающих античным практикам себя).

Описанный подход к проблеме уже приближает нас к той ее постановке, которую мы наметим ниже на основе синергичной антропологии. Действительно, в данном случае антропологическая ситуация соответствует Онтологической топике Антропологической Границы, то есть одному из трех базовых типов конституции человека; и можно считать, что в данной ситуации проблема управления антропотрендами, решаемая представителями доминирующего тренда, представляет собой определенную часть, или частный случай общей проблемы, какую она выступает в синергичной антропологии – ибо здесь проблема, как очевидно, должна ставиться и решаться по отдельности в каждой из трех топик.

Далее, приближаясь к современности, мы находим один пример, когда достигнуто было уже гораздо более глубокое продвижение в нашей проблеме – продвижение, граничащее с ее полным решением. В этом примере, однако, подход к проблеме и ее решение весьма специфичны: ибо они осуществляются тоталитарным государством. Разумеется, принципом тоталитаризма является примат того или другого социального, коллективного начала – нации, партии, государства. Но важно то, что в данном случае социоцентризм принимает тоталитарную, тотальную форму – форму абсолютного принципа, который должен быть проведен, внедрен любыми средствами и на всех уровнях реальности, вплоть до уровня индивидуальной личности, ее конституции, ее мира и ее повседневного существования. Антропологическая реальность должна быть тотально подчинена всепроникающему тоталитарному принципу – и это значит, что должны быть развиты способы, механизмы, техники переделки человека. Тоталитаризм действительно развивает их, и притом вполне эффективно.

За всем богатым арсеналом антропологических техник тоталитарного государства скрывается один ключевой антропологический феномен, который тоталитарная система открыла сугубо на практике, опытным путем. Его теоретическое описание нам, однако, не встречалось в литературе, и можно предполагать, что в своем существовании он был впервые кратко описан нами в 2008-2009 гг.¹ Я дал ему название «насильственной синергии». Суть феномена в том, что идеологическая машина тоталитаризма вторгается в сознание человека и под высочайшим давлением внедряет в него некое специфическое послание. В этом послании соединены: азы тоталитарной догмы, представленной как благо и истина, – угроза полного отщепенства, мучительного уничтожения, стирания в порошок в случае неприятия догмы – гарантия здоровой радостной жизни в единстве со всеми в случае ее принятия. Войдя, проникнув в сознание путем насильственного давления – своего рода *взлома сознания* – послание начинает действовать в нем, и огромный заряд скрытой в нем угрожающей энергии генерирует синергетический эффект – произвольный отклик сознания, спонтанно, неодолимо рождающуюся и прогрессирующую в нем *подстройку* к тому, что велит послание.

Иными словами, за счет взлома сознания порождается механизм, структурно аналогичный подлинной синергии: механизм согласного, взаимно сообразованного, «когерентного» действия двух энергий, имеющих разный источник и разную природу, – собственной энергии человека, его сознания, и некоторой внешней энергии, действующей в сознании человека, но имеющей исток за его пределами. При этом, сознание человека,

¹ См., напр.: С.С.Хоружий. Век после «Вех», или две-три России спустя // *Философия и культура*. 2009. № 10(22). С. 15-20.

подвергнутое атаке тоталитарных машин идеологии, подавления и террора, находится, опять-таки как и в подлинной синергии, в состоянии, далеком от равновесия (состоянии тупика, аффекта, острых негативных эмоций). Весь этот комплекс свойств обеспечивает *синергетическую природу* данного механизма. Она, в свою очередь, находит выражение в эффекте «диссипативной самоорганизации», т.е. процессе спонтанной перестройки сознания, который и приводит к рождению тоталитарной формации сознания и человека. Отличительной чертой этого синергетического процесса является необычайная, беспрецедентная скорость происходящего полного переструктурирования, которую исследователи не раз отмечали как одну из самых удивительных и важных особенностей тоталитарного устройства (так, А.Пятигорский указывает, что тоталитарный «тип государства ... сформировался с феноменальной быстротой в России. С какой-то невиданной в истории быстротой»²). Объяснение этой черты лежит именно в синергетической природе феномена, которая обеспечивается, как в подлинной, так и в насильственной синергии, сочетанием двух факторов, внешней энергии и «раскачки», максимально удаляющей от равновесия. Однако нет нужды говорить, что при структурном сходстве с синергией, насильственная синергия, или же механизм насильственной выделки тоталитарного человека, имеет кардинально иной генезис, равно как и иной финал, телос. Очевидно, процесс перестройки в тоталитарную формацию имеет также и другую динамику, отнюдь не совпадающую с генерацией иерархии антропологических энергоформ, отвечающих восхождению к обожению. Однако этот процесс до сих пор еще не описан, и его изучение остается открытой задачей; можно только сказать, что спонтанная антроподинамика насильственной синергии осуществляет ту или иную редукцию (участие, урезание) человека, тогда как в действительной синергии осуществляется возрастание личности.

Для нас же сейчас существенно другое: механизм насильственной синергии содержит в себе все необходимые условия для управления антропологическими трендами. В тоталитарном социуме переход в тоталитарную антропоформацию и существование в ней есть антропологический тренд, формируемый всею машиной тоталитарного строя. При этом, данный тренд неизбежно становится доминирующим, подчиняет себе все прочие антропотренды; и это значит, что, осуществляя насильственную синергию, тоталитарная власть решает, тем самым, и проблему управления антропотрендами. Но даже и более того. Управление антропотрендами – задача на уровне социальной реальности, которая требует рассмотрения антропологических практик, но для которой важны лишь социально значимые, отражающиеся на социальном уровне аспекты и импликации этих практик. В отличие от этого, механизм насильственной синергии – чисто антропологический, действующий не на социальном уровне, а на уровне индивидуальной личности, рассчитанный на то, чтобы «дойти до каждого человека», как гласила установка тоталитарной пропаганды. Его эксплуатация есть техника контроля и изменения сознания человека; и контроль над сознанием, управление сознанием – существенно более тотальная форма управления и контроля, нежели управление антропотрендами. Цель здесь – в точном смысле *абсолютный* контроль: как указывает Пятигорский, «тоталитарному государству есть дело до *всего*»³.

В итоге, тоталитарное общество выступает как своего рода сингулярность – система, в которой проблема управления антропологическими трендами вполне решена, однако таким путем, который напоминает лечение головной боли посредством отрубания головы. Сама антропологическая реальность подвергается здесь насильственной и радикальной редуцирующей – если угодно, ампутационной – трансформации. В свете этого, тоталитаризм, в известном смысле и известной мере, может быть сближен с

² А.М.Пятигорский. Политическая философия. М., 2007. С.87.

³ Там же. С.88. (Курсив автора).

постчеловеческими трендами, которые предполагают утрату видовой идентичности Человека.

Спросим теперь: что дают эти исторические примеры для общей постановки и решения нашей проблемы? Для ответа на данные примеры нужно взглянуть ближе. Покуда мы всего только убедились, что в них имела место некоторая работа с антропологическими трендами; но далее требуется оценить само содержание этой работы, ее техники, методы. И тут мы замечаем, что, если оставить в стороне сингулярный, полупатологический случай тоталитаризма, то в других примерах работа с антропотрендами практически не развивалась в антропологической сфере. Антропотренды, отвечающие античным практикам себя, в своей борьбе с конкурирующими трендами использовали критику доктрин конкурирующих практик, вероятно, также использовали обычные приемы борьбы и вытеснения конкурентов на рынке услуг – и все это суть, очевидно, не антропологические средства. В другом примере доминирующий православный антропотренд, определяемый исихастской практикой, должен был утверждать свою доминантность по отношению к нескольким отличным от него, «уклонистским» трендам: к тем, что определялись ересями; к тренду, отвечающему так наз. «византийскому гуманизму», тяготевшему к античной культуре; к родственному тренду «латинофранков», тяготевших к католическому Западу. В данном случае уже сами эти тренды и отвечающие им практики не могут быть названы в собственном смысле «антропологическими» – скорее это тренды и практики религиозные, культурные, интеллектуальные. Нередко пристальный взгляд обнаружит в них и антропологические аспекты, однако они остаются имплицитными, на заднем плане. Средневековый человек прочитывал себя в религиозном дискурсе, и даже в самом исихазме с его практикой радикальной трансформации человека, антропологический процесс описывался и толковался почти исключительно в религиозных терминах. Соответственно, и те средства, которыми обеспечивалась доминантность исихастского антропологического тренда, здесь не носили специфически антропологического характера.

В итоге, хотя в наших примерах и присутствуют элементы постановки и решения проблемы управления антропотрендами, однако сама проблема здесь еще не ставилась в явном виде как проблема антропологии, и для ее решения не развивались собственно антропологические методы и практики. В отличие от этого, сегодня мы обращаемся к данной проблеме в принципиально иной ситуации, когда антропологический уровень реальности не только описывается и трактуется напрямую, как таковой, в явно антропологическом дискурсе, но и признается определяющим уровнем. И в такой ситуации постановка проблемы не может непосредственно опираться на описанный исторический опыт, она должна быть новой.

2. Не столь трудно наметить основные вехи для общей постановки проблемы.

– Понятно, что проблема управления не может ставиться (и тем более решаться) абстрактно, по отношению к совершенно неопределенным антропотрендам – и потому, в первую очередь, требуется конкретизировать, хотя бы в общих характеристиках, ту совокупность антропотрендов, возможности управления которыми мы хотим изучить. Для этой цели необходимо зафиксировать некоторую антропологическую ситуацию, которую мы избираем своим предметом, и возможно полнее выявить в ней порождающие ее антропотренды, после чего проанализировать их природу и свойства.

– Далее, на следующей стадии необходима рефлексия самой задачи управления: что собственно понимается под «управлением антропотрендами», что оно включает в себя и какие цели оно преследует.

– Вслед за этим, очередная стадия должна быть посвящена изучению методов и способов воздействия на антропотренды. Желательно составить как можно более полный репертурий таких средств воздействия, выделить их основные и наиболее эффективные виды и сформировать их рабочий арсенал.

– И наконец, следом за этими подготовительными стадиями может развертываться само решение проблемы: в рассматриваемой антропологической ситуации мы избираем определенные тренды, по отношению к которым ставим те или иные задачи управления (стимуляции или, напротив, купирования, коррекции, модификации, трансформации и т.д.), после чего формулируются стратегии, программы и детально описываются процедуры, посредством которых должны достигаться требуемые воздействия на эти тренды.

Выбор антропологической ситуации, разумеется, очевиден: наиболее полной и основательной информацией для анализа мы можем располагать относительно нашей современности, и плюс к тому, именно для современности разбираемая проблема более всего актуальна. Соответственно, наша первая задача – выделить и описать те антропологические тренды, что присутствуют в антропологической ситуации наших дней и в своих взаимосвязях, взаимодействиях формируют антрополандшафт современности.

Согласно исторической последовательности антропоформаций, какую она выстраивается в синергичной антропологии, современность характеризуется как период вхождения в Виртуальную топика Антропологической Границы. В данной топике множество принадлежащих к ней антропологических проявлений является самым сложным и смешанным, самым гетерогенным по характеру и природе практик и трендов. По нашей трактовке виртуальности, любое актуальное антропологическое проявление может, вообще говоря, иметь свои всевозможные «виртуализации», или же виртуализованные версии – недоактуализованные, недоовоплощенные осуществления, которые будут, по определению, принадлежать Виртуальной топике. Это значит, что данная топика включает в себя виртуализации антропологических проявлений и практик из всех прочих топик – Онтологической, Онтической и трех гибридных. Наряду с этим, она может включать также и автохтонные практики, не восходящие к каким-либо прототипам из других топик, но представляющие собой новые, специфически виртуальные феномены. Кроме того, необходимо учитывать, что реальная антропологическая ситуация отнюдь не исчерпывается проявлениями, принадлежащими к доминирующей топике. Антропологические проявления иной природы не только всегда присутствуют в ней, но и могут играть значительную роль – особенно в такие периоды, когда доминирующая топика, как Виртуальная топика в наше время, лишь начинает утверждаться и укрепляться в своей доминантности.

Описание ансамбля трендов мы начнем с наиболее существенной и интересной их категории – с тех трендов, в которых участвуют новые антропофеномены, выражающие специфику нашей современности, и воплощаются новейшие тенденции в развитии Человека, имеющие наибольшую вероятность влияния на его будущее. Нет сомнений, что, в первую очередь, в эту категорию мы должны включить тренды, ориентированные к Постчеловеку. Хотя само это понятие остается не вполне определенным⁴, с ним связана целая группа активно развивающихся стратегий и программ, которые предполагают отказ Человека от собственной видовой идентичности, исчезновение Человека как вида, с заменой его неким кардинально иным существом; и эти широко обсуждаемые стратегии признаются сегодня самой радикальной из всех антропологических новаций.

⁴ См. его обсуждение в нашей работе: С.С.Хоружий. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. № 2.

Согласно нашей универсальной методологии, анализ избранной группы трендов необходимо начать с точного установления их природы посредством топической локализации. Существующие сегодня «постчеловеческие тренды» разнообразны, взаимно различаясь, прежде всего, выбором той или иной конкретной реализации Постчеловека: в форме Мутанта, Киборга или, как намечает трансгуманистское движение, компьютерной программы. Однако у них всех имеется важная для нас объединяющая черта: все постчеловеческие тренды являются *технологическими трендами*. Те антропологические практики, что осуществляются в них, связаны с определенными технологиями и более того, само антропологическое существо этих практик определяется этими технологиями – их цели и средства диктуются технологическими возможностями и перспективами. Так, компьютерные технологии, когда их начинают применять в антропологической сфере, диктуют один набор антропологических практик и стратегий, генные технологии – другой. И это значит, что *антропология здесь оказывается подчиненной технологии*. Однако характер сочетания, переплетения антропологических и технологических аспектов в постчеловеческих трендах надо рассмотреть пристальней, ибо он и является главным фактором для диагностики этих трендов, определения их топической природы.

Отношения антропологии и технологии наиболее прозрачны в трендах, которые ориентированы к Мутантам и связаны с генными технологиями. Здесь обе сферы четко разделены: в этих трендах человек не трансформирует себя, не развивает никаких практик себя, но развивает лишь определенные научно-технологические практики; однако эти практики имеют радикальные антропологические последствия. В них человек конструирует некие существа, которым предназначает стать его преемниками, его заменой: он предполагает, что, изготовив Постчеловека-Мутанта, уступит ему свое место, а сам при этом исчезнет – иными словами, совершит видовой суицид (ибо Мутант мыслится совсем новым видом или смешением видов). Как следует квалифицировать столь любопытный тренд? Его реализация – двустадийный процесс: сначала – научно-технологические практики изготовления Мутанта, затем – уход Человека со сцены и замена его Мутантом. Мутант, очевидным образом, выступает здесь как цель, или же «назначение» Человека. Тем самым, человек, осуществляющий данный тренд, принимает, что назначение Человека достигается посредством научно-технологических практик – иными словами, в актуализации отношения Человека к Природе, мирозданию, а не отношения к себе самому или к онтологическому, либо онтическому Иному себе. И это значит, что *рассматриваемый тренд тесно связан с формацией Человека Безграничного*, в которой человек конституируется именно в отношении к мирозданию, в когнитивных и технологических практиках. В обычной версии этой формации, принадлежащей Новому Времени, Человек предстает как сущее, которое, актуализуя свое отношение к бесконечному мирозданию во всевозможных когнитивных и технологических практиках, бесконечно совершенствуется. В данном же случае, Человек посредством некоторого определенного класса когнитивных и технологических практик, практик изготовления Мутанта, осуществляет свое назначение отнюдь не в бесконечном совершенствовании, а в самоустранении и замене себя радикально иным существом. Конститутивным отношением для него по-прежнему выступает отношение к природе и мирозданию, и в силу этого он и здесь может быть отнесен к формации Человека Безграничного. Это – поучительный вывод, показывающий существенную особенность эволюции феномена Человек: один из влиятельных антропотрендов наших дней принадлежит к антропоформации, которая уже давно не является доминирующей, будучи вытеснена с этой роли сначала Онтической, а затем Виртуальной топикой. Нет сомнения, что данный факт обусловлен тем огромным влиянием и значением, которое для современного человека продолжает сохранять научно-технический прогресс, пусть он уже и не выступает определяющим принципом доминирующей антропоформации.

Однако в рассматриваемом тренде формация Человека Безграничного отнюдь не воспроизводится в прежнем виде; теперь перед нами новая и совершенно иная ее версия. Актуализация отношения к мирозданию теперь не бесконечное совершенствование Человека, но генетическое дизайнерство, проектирование и конструирование парка существ-фантазмов, занимающих место Человека. Трудно не согласиться, что в чисто антропологическом плане, «с точки зрения Человека», это – странная стратегия, обосновать которую весьма трудно. Ясно, что она подсказывается не ситуацией Человека как такового, а ходом научно-технического развития, открывшимися технологическими возможностями, и выбор ее говорит о наметившемся расхождении между технологией и антропологией. На поверку, тренд к Мутантам показывает, что впечатляющие успехи научно-технологического прогресса сочетаются с упадком Человека, антропологическим кризисом. В сопоставлении с классическим воплощением Человека Безграничного, современная его версия носит ущербный, закатный характер: если в пору Ренессанса и Просвещения Человек уверенно видел свои цели в развитии, разрывании собственной природы, не сомневаясь в ее неисчерпаемых потенциях и ресурсах, то сегодня в тренде к Мутантам (а в той или иной мере, и в других постчеловеческих трендах), он отказывается от дальнейшей работы самопреобразования и саморазвертывания – отказывается от себя, от своей природы. Перед нами антропологическая капитуляция: в отношении к самому себе, Человек здесь избирает и культивирует игру на понижение, уход со сцены, видовой суицид.

В связи с этими выводами, следует сопоставить анализируемый тренд с другими антропологическими стратегиями, также предполагающими радикальную трансформацию Человека, и в этом смысле, его «отказ от себя». В дискуссиях современной антропологической ситуации, ее трендов и стратегий, «отказ от себя» – важный концепт, привлекающий большое внимание. Напомним, что в концепции практик себя Фуко, отказ от себя (от собственной самости, индивидуальности, идентичности), разрушение себя утверждается в качестве главной установки христианской аскезы и даже христианской антропологии в целом; но в нашем разборе концепции Фуко⁵ такая позиция критиковалась и отвергалась. В рамках синергичной антропологии, радикальная (ауто-)трансформация человека, всегда включающая и аспекты отказа от себя, составляет существо стратегий из Онтологической топики, духовных практик. При этом, как мы подробно показываем в «Фонаре Диогена», христианская практика, ориентированная к Телосу личного бытия-общения, представляет собой не разрушение, а созидание личности, хотя на ранних стадиях она и предполагает отбрасывание прежнего строя сознания и существования, отказ от «ветхого» себя, который не является личностью, а формируется безличными воздействиями и обстоятельствами обыденного существования. Здесь отказ от себя понимается и актуализуется глубоко диалектически: это – не самостоятельная личностная установка или стратегия, но лишь исходный момент созидания себя в размыкании к Инобытию (синергии) и претворении в Инобытие (обожении). Сходную функцию выполняет отказ от себя и в мистериальной религиозности, влияние которой сохранялось в европейской романтической и идеалистической традиции; эту мистериальную диалектику самоотказа-ради-самообретения ярко выразил девиз Гете *Stirb und werde!* – *Смерть – для жизни новой!* Напротив, в духовных практиках восточных религий, ориентированных к имперсональному Телосу, аспекты отказа от себя, отбрасывания себя играют совершенно иную роль: здесь они самоценны, самодовлеющи и фундаментальны, поскольку Телос этих практик (Нирвана, Великая пустота и т.п.) полностью чужд любым началам личности, самости или самоидентичности. – Возвращаясь же к постчеловеческому Мутант-тренду, мы видим, что курс на замену Человека Мутантом означает такой отказ от себя, который не интегрирован ни в какое дальнейшее созидание

⁵ См.: С.С.Хоружий, Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. Гл.10.

себя. Здесь отказ от себя – окончательное решение Человека о себе, финал пути Человека. Отсюда можно заключить, что в персонологическом аспекте, в трактовке субъектности Мутант-тренд в известной степени тяготеет к дальневосточной религиозности, ближайшим образом – буддийской.

Согласно проделанной диагностике Мутант-тренда, этот тренд внутренне противоречив. Выражая собой, вместе с прочими постчеловеческими трендами, новейшие, ультра-современные тенденции в развитии Человека, он вместе с тем не связан с формацией Виртуального Человека, которая ныне завоевывает доминантность, но квалифицируется нами как странноватый, «капитулянтский» извод формации Человека Безграничного, которая давно перестала быть доминирующей, устарела. Игнорируя интегральные задачи антропологии, обращенные к человеку-в-целом, этот тренд – запоздалый плод чисто наукоцентристского мирозерцания, абсолютизовавшего научный прогресс и видевшего назначение человека в служении его интересам.

В немалой мере, эти черты разделяют и другие постчеловеческие тренды – тренды киборгизации и трансгуманизма. Как мы сразу заметили, они также являются технологическими трендами, в которых технологии отдается примат над антропологией; и эта структурная особенность опять-таки влечет связь с формацией Человека Безграничного. Эта связь достаточно очевидна. Тренд киборгизации реализуется в практиках, цель и содержание которых состоит в предельном и всестороннем расширении «интерфейса мозг – машина» (ИММ), т.е. всех форм взаимодействия и соединения человека и компьютера. По определению, эти практики конститутивны для участников тренда; иными словами, в данном тренде человек конституируется в актуализации своего отношения к компьютерной реальности, отношения *Человек – Машина*. Есть два разных рода таких практик: внедрение, вживление в человека машинных элементов («актуальная киборгизация») и погружение человека в мир машины, киберпространство («виртуальная киборгизация»). Они рассматриваются как взаимно дополнительные. Актуальная киборгизация продвигается от вживления в тело простейших чипов, заменяющих или улучшающих, усиливающих те или иные органы тела, к нейронным имплантатам, заменяющим целые участки мозга; виртуальная киборгизация продвигается к трехмерным киберпространствам с полной сенсорной иллюзией пребывания в них; при этом, нейронные имплантаты должны сделать возможным вхождение в эти пространства посредством чисто мыслительного акта; и в итоге, как синтез двух русл, пространство сознания и киберпространство достигнут полного объединения, а Человек станет подлинным гибридом Человека и Машины, Киборгом.

Как видно отсюда, Киборг-тренд, в отличие от Мутант-тренда, связан с двумя разными типами конституции человека: если практики актуальной киборгизации – обычные научно-технологические практики в сфере компьютерных и био-технологий, то виртуальная киборгизация включает в себя не только развитие киберпространств, но также вхождение и пребывание человека в этих пространствах, т.е. виртуальную антропологическую практику. Тем самым, данный тренд связан и с двумя разными антропоформациями: в научно-технологических практиках человек конституируется как Человек Безграничный, в виртуальных – как Человек Виртуальный; так что в итоге, Киборг-тренду соответствует смешанная, гибридная формация. При этом, необходимо заметить, что, как и в случае Мутант-тренда, Человек Безграничный возникает здесь не в своей классической репрезентации, а в некоей новой и оригинальной: в Киборг-тренде он конституируется не отношением к безграничному мирозданию, а к Машине, к артефактной реальности. Подобная конституция имеет целый ряд специфических особенностей, изучение которых входит в задачи философии и антропологии техники. Нельзя также забывать, что все указанные связи с антропоформациями характеризуют именно Киборг-тренд, т.е. сообщество, в котором культивируются практики, ведущие к

Киборгу. Телос же этого тренда, сам Киборг, будучи Постчеловеком, по определению, уже не принадлежит никаким антропоформациям.

3. Наконец, тренд трансгуманизма может естественно рассматриваться как предельная форма киборгизации. В Киборг-тренде, даже на стадии синтеза актуальной и виртуальной киборгизации, интерфейс мозг-машина еще не совпадает со всем сознанием: достигаемое здесь объединение пространства сознания и киберпространства не есть еще их отождествление. Тем более ИММ не совпадает здесь со всем человеком. Однако в логике киборгизации как процесса сращения Человека и Машины довольно естественно счесть такое полное совпадение финальной целью всего процесса. Понятно, что главным препятствием на пути к этой цели является телесность, соматический субстрат Человека, который заведомо инороден и чужд Машине. Доктрина и движение, носящие название «трансгуманизма», предполагают простейшее, «хирургическое» устранение этого препятствия. Развитие ИММ, достигаемое в ходе киборгизации, дает возможность перевода содержаний сознания в оцифрованную форму, доступную для ввода в Машину; причем такому переводу поддаются отнюдь не только интеллектуальные содержания, но равно и содержания, связанные с психической жизнью, с настроениями человека, а также физиологические системы организма, как они репрезентированы в мозгу, и т.д. В качестве отправной гипотезы, здесь принимается, что содержание сознания допускает указанный перевод полностью или, по крайней мере, такой перевод возможен для «всего существенного» в сознании. По выполнении перевода, сознание (или «все существенное» в сознании), принявшее форму «программного обеспечения» или компьютерного файла, отчуждается от своего оригинала, связанного с мозгом человека, и вводится в некую обширную суперкомпьютерную сеть. Это оцифрованное, или «компьютеризованное» сознание и есть трансгуманистическая версия Постчеловека; а сеть, содержащая его, играет роль среды обитания.

Антроподиагностика тренда не столь сложна. Прежде всего, как и в случае Киборг-тренда, в качестве конститутивного антропологического отношения здесь принимается отношение Человек – Машина; и Человек, конституирующийся в актуализации своего отношения к Машине, принадлежит к формации Человека Безграничного, являя собой его особую современную репрезентацию. Эта репрезентация близко родственна той, что реализуется в Киборг-тренде, но в ряде аспектов она отличается более радикальным разрывом с Человеком и обнаруживает скорее общность с Мутант-трендом. Реализация тренда первоначально заключается в последовательно продвигающейся «оцифровке сознания», которая осуществляется с помощью актуальной киборгизации; затем эта стадия, общая с Киборг-трендом, дополняется новой, состоящей в собирании воедино всех компьютеризованных содержаний сознания и размещении их в компьютерной системе. Эта заключительная стадия более родственна Мутант-тренду: здесь рядом с Человеком изготавливается некое сущее, предназначенное стать заменой Человека. За счет этого, здесь, как и в данном тренде, налицо радикальный отказ Человека от себя, «видовой суицид». Даже и более того: отказ тут происходит не от какого-то одного вида в пользу другого вида или гибрида, но от всей системы видов, всей живой природы, разделяющейся на виды. У Постчеловека трансгуманизма полностью устранена вся биологическая природа Человека, заменяясь компьютерным субстратом – что Делез характеризовал (и приветствовал) как «реванш сил кремния над углеродом». Разрыв с Человеком идет здесь гораздо дальше, чем в других постчеловеческих трендах: тут мы сталкиваемся уже с пределами применимости самых общих понятий антропологического дискурса, таких как «жизнь» или «существо» (неприменимость понятия «организма» очевидна). Применимость этих понятий к Постчеловеку трансгуманизма – открытый вопрос. Считать ли жизнью существование оцифрованного сознания в компьютерной сети на базе кремниевых чипов? Конечно, мы сразу склонны к отрицательному ответу; и все же

требуется анализ, поскольку в ситуации есть много недоопределенных факторов. «Жизнь» предполагает регулярный обмен «живого» энергией и веществом с окружающей средой; и данный аспект в самом трансгуманизме не особенно ясен: «сознание» размещается в (супер) компьютерной сети, но как поддерживается существование этой сети? Вдобавок, существует и хорошо известная в биологии «трудность однозначного определения жизни». Но, разумеется, в любом случае возможность отнести Постчеловека трансгуманизма к области «живого» крайне проблематична. То же относится и к понятию «существа», ибо последнее предполагается «живым существом». С другой стороны, однако, сознание и в новом модусе своего существования должно будет сохранить черты самовоспроизводящейся и развивающейся системы, а также обладать предикатами самосоотнесения, т.е. быть самосознанием; и т.п.

Как видим, телос трансгуманистического тренда очерчивается пока еще недостаточно отчетливо, а отчасти и противоречиво. Тем не менее, основные выводы диагностики тренда могут уже быть сделаны. По отношению к антропоформациям, структура тренда парадоксальна: тренд целиком реализуется в когнитивных и технологических практиках и тем самым, принадлежит к формации Человека Безграничного (в его вышеописанной новой репрезентации); но при этом телос тренда, Постчеловек трансгуманизма, – сугубо виртуальное образование (уточним: этот Постчеловек, принадлежа виртуальной реальности, не принадлежит формации Виртуального Человека, ибо уже не является Человеком). Сравнительно с другими постчеловеческими трендами, здесь достигает максимума, апогея разрыв с Человеком, причем важно заметить, что переход к Постчеловеку носит характер отнюдь не расширения и обогащения исходной формации, а прямо напротив – характер радикальной редукции, ампутации, отбрасывания множества аспектов и измерений человеческого существа и существования. Несомненно, что отсечению или, по меньшей мере, кардинальной деформации имеет подвергнуться не только телесность Человека, но и сфера его эмоций, эстетические восприятия, область этики, интересубъективные проявления и социальная жизнь и т.д. и т.п. – перечисление этих сторон, собственно говоря, излишне, коль скоро отбрасывается – что, как мы говорили, очень вероятно – сама жизнь как таковая. Взамен всего этого, усиленное развитие получают стороны сознания, объединяющие его с «машинным разумом»; в полном спектре способностей и активностей Человека они составляют весьма узкий сектор.

Подобная картина тренда и его телоса рождает вопросы о его корнях, мотивациях. С учетом всех редукций, урезаний, неузнаваемых деформаций Человека, к которым направлен этот тренд, – чем же может питаться рост популярности трансгуманизма, что привлекает к нему сторонников? Главную роль здесь, несомненно, играет продолжающийся культ научно-технического прогресса – определяющая черта Человека Безграничного. В нашу эпоху эта черта приобретает новые особенности. Давно уже общая установка примата технологии над антропологией, технопрактик над антропопрактиками принимала у многих форму культа Машины и веры в превосходство Машины над Человеком. Сегодня стержень прогресса, основа технотронной цивилизации – компьютерные технологии, и Машину олицетворяет компьютер – машина *par excellence*, универсальная Пан-Машина. Одновременно отношение Человек – Машина переходит в новую фазу: к прежней идеализации и абсолютизации Машины, безусловному (и не обоснованному) доверию к ней все больше, заметнее присоединяется неверие Человека в себя. В самоощущении, самосознании Человека все более отчетливо пробивается мотив поражения и дезориентации, глобального краха, переоценки своих былых амбиций и отказа от них. Все в большей мере, это – самосознание существа, которое не сумело осуществиться, самореализоваться во всей полноте имевшихся у него возможностей и потенциалов. Триумф Машины соединяется с кризисом Человека: если Машина – феноменально успешный проект, то Человек, в особенности на этом фоне, – проект

несовершенный и неудачный. И в свете этого, логичным и оправданным становится вывод трансгуманизма – признание безусловного и окончательного превосходства Машины над Человеком и принятие стратегии перевода Человека в машинную форму, с отбрасыванием всего того, что в эту форму не переводится. Сомнительный проект следует закрыть, переведя остатки его ресурсов в проект успешный. Разве не так?

Бесспорно, так; но все же – при определенных предпосылках. Главная предпосылка – это понимание Человека согласно формации Человека Безграничного, и притом в рамках той репрезентации последнего, где конститутивным антропологическим отношением становится отношение Человек – Машина. Как мы показывали⁶, уже и классическая версия Человека Безграничного не имеет полноценного принципа и способа антропологической конституции, вследствие чего он по своей конституции недооформлен, недоопределен. В указанной же современной версии человек конституируется, размыкает себя в технологических практиках некоторого выбранного рода и потому обладает крайне участвующей конституцией. И в итоге, трансгуманистический тренд обнаруживает довольно обманчивый и ущербный характер: притязая на максимальную реализацию возможностей развития Человека, на воплощение новейших тенденций этого развития, этот тренд, на поверку, связан с устарелыми представлениями и неоправданными допущениями о Человеке. Он несет печать узости и ограниченности антропологического видения. В той или иной мере, эти качества демонстрируют все постчеловеческие тренды. Установка примата технологии над антропологией приводит к тому, что, сочетая ориентацию на «последнее слово» технологического прогресса с архаичностью антропологических позиций, эти тренды обретают весьма примитивную природу: в основе их всех – сценарии кройки гуманоидов по лекалам технологического, а не антропологического свойства. И потому они не способны дать адекватный ответ на вызовы современности. Сегодня, в пору критических перемен в Человеке, такой ответ явно требует рассмотрения не только и не столько технологических, сколько личностных сценариев и стратегий, требует примата антропологии над технологией.

⁶ См.: С.С.Хоружий. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. С.646-647.